

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

2014

БАЧИЛО • БЕЛАШ • ВОЛКОВ • ГОЛОВАЧЕВ • ЗАРУБИНА
ЗОЛОТЬКО • КАЗАКОВ • КАЛИНИЧЕНКО • КНЯЗЕВ •
МИНАКОВ • ПЕРВУШИН • ФРОЛОВ • ХОРСУН

Фратер Павел встретился взглядом с Ноем, кивнул, улыбаясь тепло и дружески. И покалеченная Ноева память неожиданно отозвалась на эту улыбку: Ной узнал его. Фратера Павла. Капитана своего лётного звена. Номер тринадцатый стал старше, лоб его рассекли морщины, в чёрных кудрях спряталась седина, но взгляд был прежним — будто он знает что-то, чего не знают другие.

Ещё ничего толком не понимая, Ной улыбнулся в ответ. Он сделал глубокий вдох — воздух был сладкий, настоящий.

Ной подумал о мышке. Он запретил себе о ней думать, когда шёл сюда, но теперь всё было иначе. И разум, освобождённый от оков ложной памяти, собрал, наконец, нехитрую мозаику. Мышка, то, как она изменилась в последнее время, какой неуверенной и далёкой стала. Она не была первой, Ной слышал уже о таком, но это были только разговоры. Подруга коллеги бывшего соседа по общежитию; жена молодого рабочего, которого лично знает сотрудница бухгалтерии; какие-то другие женщины — безымянные и чужие, но наверняка очень красивые в своём неожиданном счастье.

Пусть это будет мальчик, подумал Ной. Я отдам ему лётчика, чтобы он когда-нибудь подарил его своему сыну.

АНТОН ПЕРВУШИН

ВЫБОР ТВОРЦА

Опытную станцию «Заря-Рокша» пытались поджечь четыре раза. Но лишь последняя, четвертая, попытка завершилась частичным успехом.

Если поначалу поджигатели действовали неумело, посылая на территорию подвыпивших люмпенов, которых институтские практиканты легко выловили, то теперь за нападением чувствовалась крепкая направляющая рука. В пять утра, когда охрана расслабилась, а практиканты сладко спали в жилом корпусе, к станции по главной трассе прорвалась целая группа на квадроциклах и устроила гонки между корпусами, разбрасывая бутылки с «коктейлем Молотова». Нападавшие хорошо знали назначение сооружений и пользовались приборами ночного видения, поэтому атаковали только те здания, в которых заведомо не было людей: лаборатория полного цикла, хранилище биоматериалов, склад, энергоблок и зверинец. Избегали случайных жертв, ведь гибель кого-то из сотрудников станции или практикантов неизбежно выводила расследование дела на федеральный уровень, что организаторам безобразия было невыгодно.

Вторжение кадровиков, работавших на бесшумных электродвигателях, дежурный из вневедомственной охраны успешно проморгал и спохватился лишь в тот момент, когда густая августовская тьма озарилась первыми быстрыми всполохами. Он включил прожектор, но от склада, который размещался в большом деревянном амбаре, доставшемся в наследство от разорившегося колхоза, уже всюду валил дым, и ничего толком разглядеть не получилось. Дежурный окончательно проснулся и врубил сирену. Практиканты голышом высыпали на улицу. Бросились к гидрантам, кто-то поволок к складу порошковые огнетушители. В неразберихе чуть не забыли о главном. Но тут протяжно и громко, перекрывая вой сирены, затрубил Рони. Оставшийся на ферме за начальника Сталинович крикнул: «Мамонт!» — бестолковая суета прекра-

тилась, и все, кто был на ногах, включая охранников, побежали к зверинцу.

Директор Семен Корнев примчался на ведомственном джипе из поселка сотрудников через полчаса после нападения. К тому времени практиканты, возглавляемые изрядно прокоптившимся Сталиновичем, успешно побороли очаги у зверинца, лаборатории и энергоблока. Склад полыхал с веселым яростным треском, салютуя снопами искр. Хранилище горело неохотно, но ядовито — самые отчаянные из тушителей наглотались вонючего дыма и сидели в сторонке, дожидаясь врачебной помощи. Еще через двадцать минут появились профессионалы — два пожарных расчета из Рязанцево. Однако им оставалось лишь залить тлеющие головешки, отчитать охрану за халатность и подписать акт. Пострадавших при тушении хранилища увезли в военный санаторий на Рокше, остальные приходили в себя, умывались у главного гидранта, возбужденно переговаривались.

К восьми утра заявила делегация из старшего следователя, пожарного дознавателя и эксперта-криминалиста. Был с ними и сумрачный молчаливый тип, представившийся «агентом госнадзора» — скорее всего, офицер Федеральной службы безопасности. Корнев, навестивший Рони и только после этого немного успокоившийся, сопровождал делегацию в мучительно медленном обходе пожарища. Вроде бы факт злого умысла не вызывал сомнений, но следователь искал мотив.

— Вам угрожали, Семен Кириллович? — спрашивал он.

— Нет, — вполне искренне отвечал Корнев. — Никто прямо не угрожал. А сетевую белиберду я не читаю.

— Ходят слухи, что это не первая попытка поджога. Есть основания?

Тут Корневу пришлось слукавить:

— Не понимаю, откуда такие слухи. Однажды к нам забрели бомжи. Наверное, хотели поживиться тем, что плохо лежит. Охрана прогнала. А в остальном все было нормально...

Долго составляли протокол осмотра, эксперт-криминалист снимал происходящее на видеокамеру. Конспирирующий фээсбэшник незаметно отстал, пропав из поля зрения. Позже Корнев увидел его беседующим с чумазыми практикантами. Те что-то рассказывали, энергично жестикулируя. У Корнева от плохих предчувствий разболелся желудок.

Впрочем, неприятности только начинались. Едва удалось выпроводить следователя с сопровождающими, из военного санатория на мобильник позвонил Сталинович и сразу огорошил:

— Мы в новостях, Семен!

— Дьявол, — тихо ругнулся Корнев. — В местных, надеюсь?

— Хуже. Рейтер! Первый и второй каналы уже ссылаются. Несут полную хрень. Поджог взяла на себя экстремистская организация. «Биоджихад». Слышал о такой?

— Нет, не слышал.

— А сегодня комиссия, между прочим...

— Я помню, млин! — бросил Корнев зло, но тут же спохватился: — Извини, Виссарион, задержали меня тут совсем.

— Я сейчас приеду, — твердо сказал Сталинович.

— Ты уверен? Какой диагноз поставили?

— Да нормально всё! Мне уже прокапали гемодез, вкололи глюкозу и витамины, подышал кислородом. Скоро буду. Без меня не начинайте!

Он дал отбой, а Корнев остановился и задумался. Таких совпадений, конечно, не бывает. Пресловутые «споры хозяйствующих субъектов», из-за которых случается половина бед в «глубинке», были успешно разрешены еще до появления Рони. Стенания зоозащитников и алармистов никогда не выливаются в нечто более серьезное, чем одноразовые писульки в блогах — не зря современную молодежь называют поколением «лайка». Экстремисты? «Биоджихад»? Даже не смешно! С другой стороны, нападение было спланировано грамотно. И информация сразу ушла в агентство Рейтер, которое на мелочи не разменивается. Значит, в игру вступил кто-то серьезный. И этот кто-то крайне заинтересован в сворачивании проекта «Мамонт».

Корнев направился в административную пристройку жилого корпуса. Навстречу метнулся завхоз Андрейченко. С утра по территории не ходят, а мечутся или перебегают. Погорельцы. Корнев терпеливо выслушал скороговорку завхоза о причиненном ущербе, хотя при оформлении протокола успел сам оценить масштабы. Приказал мобилизовать всех практикантов и сотрудников на разгребание завалов. Дал свое согласие на вызов тяжелой техники из Переславль-Залесского. Страховка покроет расходы.

В административной пристройке работал центральный климатизатор, оборудованный очистителями воздуха — здесь было свежо и почти не пахло гарью. У кабинета маялась зоотехник Егорова. В тушении пожара она не участвовала: когда собирались в поселке, женщин решили не брать.

— Что нужно, Мила? — спросил Корнев.

— Рони плох, — сообщила зоотехник. — Лёг. Как раньше, в детстве. Дыхание затрудненное. Вздыхает протяжно... Словно жалуется. И хобот засовыва-

ет в рот, кончик прикусывает. Никогда такого не видела...

— Думаю, ничего страшного, — сказал Корнев. — Дым и стресс. Померяй температуру, посмотри кожу на высыпания. Подумай о диете. Если возникнут затруднения, звони Поликарпову. У меня сегодня комиссия после обеда, ты знаешь. Вечером присоединюсь.

Егорова ушла. Хотя Корнев и не выказал своего беспокойства при зоотехнике, в действительности он был не на шутку встревожен. Понятно, что ночная кутерьма и пожар должны были сказаться на Рони. Хорошо еще, что тот повел себя сравнительно смирно, не пытался биться о металлический барьер, не вставал на дыбы. Но теперь Рони догнала реакция, и не было определенности, как он ее перенесет. Хуже того, скоро прибудет комиссия из ФАНО, и впечатление, надо думать, станция произведет неизгладимое. Беда не приходит одна!

Корнев включил компьютер. Операционная система загрузилась под незатейливую мелодию, позаимствованную из старого советского мультика «Мама для мамонтенка». Тут же на экране появился и сам мамонтенок — тамагочи, слепленный одним из практикантов года три назад. Корнев собирался вывести на виртуальный образ параметры, собираемые датчиками, вживленными в Рони, чтобы по поведению тамагочи сразу видеть, в каком состоянии находится реальное животное. Потом погряз в рутине и отбросил эту идею: она показалась по-детски пошлой. А вот мамонтенок остался.

Корнев хотел просмотреть почту. Однако почти сразу зажегся зеленым индикатор вызова. Корнев ткнул пальцем в экран, раскрывая окно видеочата. На связи был Черниховский — членкор Академии наук, директор Института биологии и биотехнологии. Он сидел

в знакомом кресле с высокой спинкой и презрительно щурился.

— Приветствую, Семён Степанович, — сказал Черниковский. — Что у тебя за бардак? Меня с утра журналюги атакуют.

Корнев описал ситуацию.

— Совершенно ясно, что поджигатели ориентировались на приезд комиссии, — подытожил он. — Виктор Анатольевич, нельзя ли как-то перенести визит? Хотя бы на неделю?..

— Увы, я не всемогущ, — отозвался Черниковский. — Только что разговаривал с этой... как ее?... с Вероникой Леонидовной... Тему порешали в Агентстве, с генеральным. Так что они уже на пути к тебе. Готовься к вздрючке.

— Всегда готов, — пробурчал Корнев. — Кто такая Вероника Леонидовна?

— Не доложили? — удивился Черниковский. — Учти тогда: от ее слова многое зависит. Она представляет нашего нового инвестора — «ГенСимс». Канадцы. О них-то ты знаешь?

— Знаю.

— Короче, обрати на эту... как ее?... Веронику Леонидовну особое внимание. Если «ГенСимс» проект не поддержит, придется твою ферму оптимизировать.

Черниковский вышел из чата. Корнев некоторое время сидел без движения, глядя в опустевший экран. На душе было мутно. И опять крутило желудок.

О канадской корпорации «GenSims» писали много. В основном, конечно, пустые статейки, не раскрывающие суть работ. Поэтому Корнев, чтобы составить собственное мнение, обычно заказывал открытые материалы симпозиумов, которые корпорация устраивала в стенах Университета Западного Онтарио. Поначалу ему было интересно, ведь сотрудники «GenSims»

взялись за совершенно новое направление в биоинженерии — маг-технологии. Словечко происходило от Multiplex-Automated Genomic Engineering и подразумевало создание искусственных существ, называемых синтеморфами, геном которых спроектирован от первого до последнего кодона. Корпорация попыталась взять на себя функции Господа Бога, что любил всячески подчеркивать журналисты, склонные выкапывать сенсации даже в навозных кучах. Однако специалист умеет сравнивать, и Корнев быстро убедился, что синтеморфы — надувательство. Каждый из них был сборной конструкцией, согласованность работы которой обеспечивали надстройки — вживляемый компьютер с искусственной нейросетью. Получалось, что «GenSims» выпускает тех же роботов, но куда менее эффективных и более дорогих, чем сделанные из металлов, пластика и полупроводников. Вскоре определилась и сфера применения синтеморфов — развлечения: живые игрушки, экзотические парки, рекламные акции. Показуха! Впрочем, отдельные модели удалось приспособить к более серьезному делу — оперативной утилизации твердых отходов. Корпорация всего лишь за год и за «спасибо» справилась с Восточным мусорным континентом, загрязнявшим Тихий океан, в то время как экологи просили пять лет и сумасшедший бюджет. Понятно, что после столь впечатляющей демонстрации возможностей «GenSims» обрела неоспоримый авторитет, и спрос на ее продукцию резко возрос. Хотя игрушки все равно остаются игрушками, какими бы научнообразными псевдолатинскими терминами их не обзови.

Когда-то Семен Корнев не воспринимал «GenSims» в качестве конкурента или инвестора. Слишком разными путями в познании живого они продвигались. В отличие от канадцев, конструирующих принци-

пиально новых существ, фирма «Заря», учрежденная в рамках специальной программы Федерального агентства научных организаций, занималась технологией «de-extinction» — клонированием вымерших животных. Нельзя сказать, что группа Корнева, который восемь лет совмещал должности директора фирмы и руководителя научных работ, была лидером в этой области. Первый зачин еще в 2009 году сделали испанские коллеги, сумевшие клонировать вымершего пиренейского козерога. Затем американцы возродили к жизни каролинского попугая и странствующего голубя, а японцы — тилацина, тасманийского сумчатого волка. Однако всё это были краткосрочные проекты, и результат их оказался неоднозначным. Козленок козерога скончался сразу после рождения. Попугай нормально прижился в неволе, а голуби так и не вывели птенцов. Больше всего возни было с тилацином, ведь, несмотря на обилие генетического материала, на Земле не осталось близкородственных видов, и нельзя было использовать готовую яйцеклетку. В итоге был применен метод химеризации — внедрения участков генома тилацина в геном тасманийского дьявола с анализом последствий. На свет появилось множество уродцев, ни один из которых не протянул и года.

Задача, которую поставил перед собой Семен Корнев, казалась намного масштабнее, чем воскрешение сумчатого волка, который вымер сравнительно недавно — в 1930-е годы. Но, как ни парадоксально, решить ее было намного проще. Корнев взялся вернуть к жизни мамонтов, которые, как хорошо известно, полностью исчезли с лица планеты в период от десяти до пяти тысяч лет назад. До того Семен мало интересовался палеонтологией, никогда не увлекался мамонтами — его, человека достаточно тщеславного, захватили перспективы, открывающиеся в случае успеха.

Всеобщее признание, собственная научная школа, работа на всю жизнь — можно ли мечтать о большем? Ко времени старта проекта, который поначалу финансировали те же японцы, задел по мамонтам был высок: расшифрованы последовательности митохондриальной и ядерной ДНК, на молекулярном уровне доказана родственная связь мамонтов с азиатскими слонами, проведены первые эксперименты по модификации эмбрионов слонов. Главной проблемой оставалась высокая травматичность тонких операций с геномом — в развитии модифицированного плода появлялись аномалии, и эмбрионы погибали на ранних стадиях. Семен Корнев предложил оригинальный подход к проблеме. Чем меньше изменений мы вносим в геном, тем меньше аномалий, тем лучше работает химерный вариант ДНК. Следовательно, нужно найти такой подвид азиатского слона, который был бы самым ближайшим родственником мамонту — даже доли процента в различии геномов могут иметь принципиальное значение. Для выявления такого подвида провели отдельное и дорогое исследование, которым руководил опытный зоолог Виссарион Сталинович, присоединившийся к проекту. Он объездил Индию, Таиланд, Шри-Ланку, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Борнео. Собрал бесчисленное количество образцов для секвенирования. Их изучением и сравнением занимались генетики из Университета штата Пенсильвания, составившие и запатентовавшие «золотой стандарт» генома мамонта. Они же вынесли вердикт: ближе всех на древе эволюции к вымершим гигантам находится небольшое стадо крупноголового слона, обитающее в лесах Северного Непала. Геномы отличались на полпроцента — то есть требовалось заменить всего лишь двести тысяч спаренных оснований нуклеотидов из трех с лишним миллиардов, что современная техноло-

гия вполне позволяла сделать. И все же фирме «Заря», которую пришлось учредить для дальнейшей работы, потребовалось еще три года на то, чтобы освоить клонирование с химеризацией, доставить слониху Шанти из Непала, оборудовать опытную станцию на речке Рокша и приступить к уникальному эксперименту. Что интересно, у группы Корнева получилось с первого захода, без гибели эмбрионов и отбраковки. Наверное, просто повезло. Так появился Рони — самый настоящий мамонт, воскрешенный из небытия.

Поначалу все выглядело радужно. Рони стал сенсацией. Семен Корнев в одночасье превратился из скромного кандидата наук в звезду международных конференций и телевизионных ток-шоу. Многие от его славы перепадало Институту биологии и биотехнологии, чиновникам ФАНО и прочим прихлебателям. Заказы на «живого мамонта» посыпались из самых известных зоопарков. Турагентства пытались договориться об экскурсиях. На станции «Заря-Рокша» побывали посланцы Голливуда. И тут, в самый неподходящий момент, начались проблемы. Шанти не только отказалась кормить мамонтенка, но и дважды попыталась убить его — ее пришлось отселить, а потом она подхватила кишечную инфекцию и, несмотря на усилия ветеринаров, пала. Сам мамонтенок рос чрезвычайно болезненным, ему требовался постоянный уход. Как мрачно шутил Сталинович: «Не понос, так золотуха». Жизнь сотрудников опытной станции свелась к бесконечной беготне вокруг вольера. Корнев устраивал постоянные консилиумы с привлечением светил биологии и палеонтологии, но светила только разводили руками. Расходы непомерно возросли, и планы по рождению второго мамонтенка пришлось отложить. Рони все-таки справился с болячками и вырос до молодого слона, хотя и отставал по габаритам от своих

азиатских сородичей. Однако общественный интерес к проекту все эти годы неуклонно падал, ручеек инвестиций пересыхал, а перспективы разведения мамонтов на просторах Сибири, которые увлеченно расписывал Корнев на конференциях и ток-шоу, становились все более туманными.

И вот на горизонте появилась корпорация «GenSims». И ее деятельность отнимала у «Зари» последние источники для развития. Если Семен Корнев еще только рассуждал о «Плейстоценовом заповеднике», то канадцы открывали один за другим готовые «Парки Юрского периода», населяя их динозавроподобными синтеморфами. Понятно, что появление «парков» сопровождалось агрессивной рекламой, и на ее фоне о мамонтенке, живущем в российской «глубинке», просто-напросто забыли. Ситуация бесила Корнева, ведь он хорошо видел, что его направление исследований намного перспективнее той показухи, которой занимаются канадцы, только поделаться ничего не мог. Оставалось сдать на милость победителя. Членкор Черниховский был безусловно прав: если сама «GenSims» хочет вложиться в проект, то сопротивление бесполезно, ибо сожрут, а вот польза от дополнительного финансирования очевидна. Другой вопрос: что канадцы попросят взамен? Но это другой вопрос...

Комиссия из ФАНО прибыла даже раньше, чем планировалось: шесть человек на «минивэне» в однотипных деловых костюмах, словно только что из офиса. Однако Корнев сразу выделил двоих: рыхлого красно-мордого толстяка и высокую рыжеволосую даму. Наметанный глаз не подвел: толстяк по фамилии Огородников оказался председателем комиссии, дама была той самой Вероникой Леонидовной, на которую Черниховский советовал обратить особое внимание. По-

сле обмена рукопожатиями она сняла Солнцезащитные очки и спросила Корнева:

— Узнал меня, Семен?

Корнев напрягся. В последние годы он познакомился с тысячами новых людей, и многие не задерживались в памяти. Он покачал головой. Вероника Леонидовна поджала губы.

— Кафедра экспериментальной биологии, — раздельно произнесла она. — Лаборатория. Студенты пятого курса.

— Веруня! — воскликнул Корнев.

— Рада, что признал, — сказала Вероника Леонидовна без малейшего одобрения и вновь нацепила очки. — Показывай свое хозяйство.

Признать ее было мудро — от юной особы, с которой некогда общался — и довольно плотно! — осталось немного: ярко-рыжая шевелюра, изгиб рта, цвет глаз. Остальное изменилось: она стала стройнее, свела веснушки, выправила горбинку на носу. И держалась увереннее, с большим достоинством облеченного властью человека. Кто бы мог предположить, что из скромной, пугливой Веруни вырастет полноценная бизнесвумен?..

— Какие-то проблемы? — поинтересовался председатель Огородников, поморщившись от запаха гари.

Корнев еще раз описал детали ночного нападения. Про «Биоджихад» говорить не стал — члены комиссии и без него скоро все узнают, но к тому времени ситуация с «экстремистами» должна хоть немного проясниться.

К процессии присоединился Сталинович. Он успел принять душ и нарядился в свою нелепую колониальную форму, прикупленную по случаю в лавке на Шри-Ланке, нацепил пробковый шлем, под мышкой держал стек — вылитый Аллан Квотермейн на прогулке.

Он сразу завладел всеобщим вниманием и повел комиссию к административному корпусу, намереваясь устроить экскурсию по музею опытной станции. Однако Веронику было не так-то легко обмануть.

— Покажите мамонта, — решительно потребовала она.

Сталинович и Корнев обменялись выразительными взглядами. Делать нечего — направились к зверинцу. По пути Сталинович рассказывал об условиях содержания Рони:

— У нас два вольера. Зимний и летний, с выходом к реке. Мамонт сейчас живет в зимнем. Вольер разделен на экспозиционную часть и внутреннюю. Кроме того, есть небольшое помещение для средств мониторинга. Пол в зимнем вольере отапливаемый. В экспозиционной части есть смотровая зона, она отгорожена решеткой и отжимным барьером. Обычно мы не пускаем гостей за барьер, но для вас сделаем исключение...

— Чем кормите мамонта? — спросила Вероника.

— Обычная диета. Как в зоопарках. В основном овощи. Огурцы, кабачки, репа, картофель. Любимые лакомства — яблоки, арбузы и молодые березовые ветки с листвой. Зимой с удовольствием ест кашу, сено и овсяную солому.

— Я тут как-то читал, — глубокомысленно сообщил председатель Огородников, — что мамонты ели мхи и бруснику.

Сталинович не стал глумиться, а ответил с серьезным видом:

— Если бы они питались только мхами и ягодами, то были бы худенькие и маленькие. В действительности взрослый мамонт съедал до трех центнеров в день и ничем не брезговал. В желудках находят побеги ивы, ольхи, лиственницы, березы. Еще — осоку, пушицу,

злаки, тростник, камыш, разнотравье. И мох тоже, конечно, но в меньших количествах.

— Почему тогда вы кормите мамонта яблоками, арбузами и кашей? — удивился Огородников.

— Мы ж не изверги! — сказал Сталинович с легкой усмешкой. — Мы предлагаем ему разное, а он сам выбирает, что нравится, а что нет.

— Вы так говорите, будто ваш мамонт — человек.

— Слоны — вообще очень сообразительные животные, а Рони воспитывался не слонами, а людьми. Он умен и наблюдателен, может пользоваться простейшими орудиями типа метлы, играет с автомобильной шиной, пытался разобрать деревянную кормушку...

У входа в зверинец, рядом с информационным стендом, стояла зоотехник Егорова — бледная, покусывающая губу и решительная.

— К Рони сегодня нельзя! — заявила она.

Председатель Огородников набычился:

— Кто вы такая?

— Что случилось? — вмешался Корнев.

— Рони плохо, — объяснила Егорова. — После пожара. Температура повысилась. И он... стонет.

— Но не помирает же? — Огородников отстранил Егорову: было видно, что он из тех, кто привык добиваться своего и воспринимает любое препятствие как личное оскорбление.

— Ничего страшного, — тихо сказал Корнев, проходя мимо зоотехника. — Это все стресс. Мы быстро.

Войдя в павильон зверинца, Сталинович свернул в неприметный коридор, отпер своей карточкой дверь и через пункт мониторинга провел комиссию в обширное помещение зимнего вольера. Рони действительно лежал на правом боку, как в раннем детстве, и косил карим глазом. При появлении людей он издал полувдох-полувсхлип и шевельнул передними нога-

ми. Клочки бурой шерсти неприглядно топорщились. Мокрый живот казался вздутым, как при обострении гастрита.

Председатель Огородников в изумлении остановился.

— Это мамонт?! — спросил он громко.

— Да, — подтвердил Сталинович и добавил с ноткой родительской гордости в голосе: — Наш Рони.

— Но он совсем не похож на мамонта... — Огородников беспомощно оглянулся на Веронику. — Шерсти почти нет... Где шерсть?! И бивни мелкие...

— Генетически Рони — мамонт, — заверил Корнев. — Вида *Mammuthus primigenius*. Но выносила его самка непальского слона. Естественная фенотипическая коррекция. К тому же он еще очень молод.

— И кто на это клюнет? — саркастически осведомился Огородников. — Вы собираетесь каждому, что ли, рассказывать об этой вашей... коррекции?

— Если понадобится, расскажем.

— Черт те что! И он у вас больной! Едва дышит. И воняет! Как его показывать, объясните!

Корнев вдруг понял, что председатель Огородников боится. Сдерживает рвущийся страх, психологически закрывается от него, но боится. Оставалось загадкой, что его напугало — обстановка вольера или возможный гнев начальников.

— Он не предназначен для показов, — сказал Корнев. — Он наш первый уникальный образец, первый опыт. Если вы хотите увидеть взрослых и полноценных мамонтов, проект необходимо продолжить.

Рони вновь тяжело вздохнул. Изогнул хобот, засунув кончик в приоткрытый рот.

— Пойдемте отсюда, — призвал Огородников. — И соберите персонал. Буду выступать...

Небольшой конференц-зал жилого корпуса был рассчитан на три десятка человек, но по присутство-

вать на внеплановом собрании пришли почти все сотрудники станции и практиканты, заметно превысив лимит. Из столовой принесли дополнительные стулья. В президиуме расселись члены комиссии, Корнев пристроился сбоку. Сталинович занял кресло по центру в первом ряду, закинул ногу на ногу, небрежно постукивая шлепком стека по коленке. Смотрел он исключительно на Огородникова — буравил взглядом.

Председатель Огородников встал и с минуту молчал, дожидаясь тишины. Потом похлопал себя по карманам, словно искал заготовленные тезисы, и сбивчиво начал:

— Дамы и господа! Будущее... э-э-э... фундаментальной науки... э-э-э... скрыто во мраке будущего... и подчинено... э-э-э... неизгладимым... разносторонним... э-э-э... вариантам... Но мы всегда видим свет в конце... Да!.. Наша задача — сделать науку... э-э-э... продуктом конкурентоспособности!

Тут, по-видимому, он оседлал любимого конька, речь его оформилась и потекла плавно, хотя и состояла в основном из модных заклинаний: «прогрессивные инновации», «модернизационная стимуляция», «драйверы доходности», «инфляция монетарности», «хеджирование рисков», «креативное мышление», «критерии сальдирования», «аутстаффинг персонала», «делегирование статусности».

Корнев быстро потерял нить рассуждений и перестал слушать. Но было ясно, что председатель разочарован осмотром вольера и прямо-таки жаждет свое разочарование выплеснуть на людей, которые от него зависят. Дело плохо, одна надежда — на Веронику. На Веруню. Но стоит ли на нее надеяться?

Когда невыспавшиеся практиканты начали открыто позевывать, Огородников закрутился:

— Мы должны объединить... э-э-э... продуктивную деятельность, чтобы достойно отвечать... э-э-э... особым вызовам времени.

Сталинович сразу поднял руку.

— Вопросы? — удивился Огородников; под взглядом Сталиновича он немного робел.

— Вы тут рассказывали про конкурентоспособность, — напомнил Сталинович, продолжая постукивать стеклом. — У вас где-то есть еще один мамонт?

Огородников замешкался.

— Позвольте, как вас по фамилии? — уточнил он.

— Сталинович.

— Не по отчеству... По фамилии.

— Сталинович.

— А по имени-отчеству?

— Виссарион Иосифович.

В зале раздались смешки. Огородников окончательно онемел. Он никак не мог сообразить, издеваются над ним или нет. Все же справился с собой и сказал:

— Уважаемый, наличие... э-э-э... мамонта или его же отсутствие ничего не говорит о конкурентоспособности...

— Значит, наша фирма — монополист? — перебил Сталинович.

— В некотором смысле...

— Тогда мы можем требовать особые условия для себя, не так ли?

— Мы стремимся к эффективному менеджменту и оптимальной доходности, поэтому... — завел было Огородников привычную шарманку.

— Нет-нет-нет! — прервал его Сталинович, поднявшись из кресла и сурово помахивая стеклом. — Об эффективности можно рассуждать, если есть с чем сравнивать. А если нет, то извините...

Корнев почувствовал, что дело идет к скандалу, и вмешался:

— Спасибо за познавательное выступление и интересные вопросы. Коллеги, не нужно сегодня обсуждать аспекты дальнейшего развития проекта. Мы ведь только познакомились с членами комиссии, нам еще предстоит обсудить формат сотрудничества. Мы учтем все пожелания, претензии и решим проблемы. Главное — проект живет. Наш мамонт до сих пор остается уникальным опытом, который служит научным и образовательным целям. Нас поддерживает Институт биологии и биотехнологии. Не думаю, что в агентстве захотят резать курицу, несущую золотые яйца. Сейчас я предлагаю сделать перерыв на обед, угостить наших гостей, а затем продолжим экскурсию по станции. Спасибо за внимание!..

Пока сотрудники шумно покидали конференц-зал, Вероника подошла к Корневу:

— Можно тебя на пару слов?

— Конечно, пойдём ко мне.

Они разместились в кабинете, и Корнев дал Веронике время осмотреться.

— Я ожидала большего, — сказала она после затянувшейся паузы. — А у тебя только картина Голобокова. «НИИ генетики» — так, кажется, называется? Кстати, подлинник?

— Подлинник, — отозвался Корнев, бросив взгляд на картину, изображавшую парочку плакатных ученых в белых халатах на фоне панорамного окна, за которым среди сугробов паслись мамонты. — Геннадий Голобоков не слишком популярен сегодня. Хватило и моей зарплаты. Но разыскать ее было целой проблемой... А чего именно ты ожидала?

— Какие-нибудь черепа, бивни, копии наскальных рисунков.

— Я не палеонтолог, Веруня, мне больше импонирует футурология Голобокова.

— Не называй меня Веруней, — потребовала Вероника строго. — Все в прошлом. В далеком прошлом. Обойдемся без романтических воспоминаний, о'кей?

— Хорошо. Тогда говори прямо, что вы там замышляете? Я уже понял, вокруг проекта началась подковерная возня. И пожар перед вашим визитом — часть большой интриги. Вопрос: зачем всё это? ФАНО при желании способно прихлопнуть нас в один момент.

— Буду откровенна, Семен, нам не нужны ни проект, ни мамонт. Нам нужен ты. Разумеется, не сам по себе, а вместе с твоими патентами, твоим коллективом и твоей станцией. Корпорация «ГенСимс» берется купить «Зарю» и обеспечить дальнейшее финансирование. Серьезное предложение.

Корнев покивал.

— Рад слышать, что вы переходите от игрушек к делу. Тогда переформулирую вопрос. Зачем я «ГенСимс» без Рони?

— Твоя технология комбинирования селекции и химеризации эмбриона сэкономит нам года три. В условиях обострения конкуренции она даст ценное преимущество в области создания искусственных биосфер. Так что не волнуйся — обеспечение ты получишь по высшему классу, могу лично гарантировать.

— А что с Рони?

— От него лучше избавиться. Мы не возьмем на баланс проблемный проект, который подрывает репутацию. В пресс-релизе напишем, что Рони отравился на пожаре, плохо себя чувствовал, издох...

Корнев нахмурился и наклонился вперед, положив руки на стол.

— Вы там совсем садисты — в своем «ГенСимс»? Рони — не синтеморф, не имитация. Он — живое су-

щество. И весьма разумное, если сравнивать с некоторыми сапиенсами.

Вероника потерла щеку тыльной стороной ладони. Корнев опознал этот жест — им Веруня предваряла высказывание, которое сама считала «дерзким».

— Мы садисты? — тихо спросила она, потом повысила голос: — Ты настоящий садист, Семен! Ты думаешь, я не читала твои закрытые отчеты? Читала! Знаю, что ваш Рони не вылезает из болячек. Он и ходит-то у вас через силу. А что будет, когда он дорастет до муста? Как будете справляться? Ты вообще подумал, что производишь на свет уроды? Инвалиды? Что мать захочет его убить? Что у него не будет семьи? Что он будет страдать? Ради чего, Семен? Ты говоришь, что не палеонтолог, что нацелен в будущее, а сам возишься с отжившим. Мамонты вымерли, Семен!

— Рони не вымер. Он есть.

— Ты всегда был рохлей, — бросила Вероника зло. — Крыса не смог убить!

Корнев чуть улыбнулся, вспомнив историю о крысе. Он был тогда аспирантом на кафедре, а ему прислали под надзор стайку студентов с пятого курса, среди них и Веруню. Старшая лаборантка как-то обнаружила, что один из крысиных самцов вышел из «подопытного возраста», и велела взять у него кровь на анализ, после чего ликвидировать. Крыс просто так не дался: одну студентку укусил, от другой чуть не сбежал. Его все-таки засунули в контейнер и забросали тряпками с формалином. Вроде бы крыс откинул лапы, но стоило коснуться его иглой, он сразу очнулся и заметался по контейнеру. На шум заглянул Корнев. Студентки взмолились о помощи. Корнев взял ножницы, посмотрел на крысу. Тот посмотрел на Корнева красными бусинками глаз. «Заберу себе, — сказал Корнев. —

Такую волю к жизни надо уважать». И действительно забрал и держал дома, пока крыс не умер от старости.

— Мы же договорились, что обойдемся без романтических воспоминаний, — заметил Корнев. — Возможно, я рохля. Возможно, я занимаюсь ерундой. Но пожертвовать Рони не могу. Он мое творение. И я в ответе за него.

— Кем ты себя вообразил?! — воскликнула Вероника. — Творцом? Ты не творец, ты бездарный копировщик. Творцы — это мы! Мы создаем новые формы, мы проектируем животных, каких не видел мир. Мы заселим космос, а ты так и будешь рыться в старых гнилых костях.

— Самая большая ошибка для менеджера, — наставительно сказал Корнев, — это начать верить собственной рекламе.

— Ладно! — Вероника встала. — Я вижу, ты не склонен сегодня к диалогу. Что ж, у тебя есть время подумать. Но с решением не тяни: «ГенСимс» не любит ждать. И как решишь, звони или пиши.

Она бросила на стол визитку и хлопнула дверью.

Корнев чувствовал опустошение.словно этот короткий резкий разговор заставил его вывернуться наизнанку. Кольнуло в желудке. Рони. Несчастный Рони. Тебе не дадут покоя в мире хищников, даже если хищники иногда позволяют себе выглядеть людьми. Может быть, правы те из палеонтологов, кто утверждает, что мамонтов истребили наши предки. История всегда повторяется. И всегда найдется оправдание.

Корнев посмотрел на картину Голобокова, потом — на экран компьютера, где меланхолично жевал траву мамонтенок-тамагочи. Одно движение, и открылось окно смс-агента. Взяв визитку, Корнев вбил номер телефона в соответствующее поле и начал писать:

«Дорогая Веруня! Я давно сделал выбор. И вряд ли ты в силах меня переубедить. Рони — не только мое творение, он значит для меня гораздо больше. Позволив ему родиться, я постиг таинство, важнее и выше которого нет ничего на свете. Можно ли постигнуть его до конца? Можно ли вычерпать океан? Вопрос риторический. И все же любой новый день жизни Рони дает мне шанс сделать еще один маленький шаг, взглянуть шире, познать глубже. Наверное, ты права, когда говоришь, что я простой копировщик. Но и вы не смейте называть себя творцами. Потому что истинный Творец любит Сотворенное».

Корнев перечитал послание и отправил его в сеть. Мамонтенок на экране подмигнул и широко улыбнулся. Совсем по-человечески.

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ

★
СУД

Я слышал, что прирожденного убийцу можно угадать по особым приметам. Например, по своеобразным «бесовским» чертам лица. Или по цепенящему взгляду — наподобие того, которым удав гипнотизирует обреченного кролика. Если же внешность не дает распознать душегуба, то его выдает тяжелая аура: соприкоснувшись с ней, теряешь волю, вязнешь в эманации бездушного разума, как муха в паутине.

Может, кто-то и верит в подобные приметы, но я не из их числа. Если бы все было так просто... Вот и Игорь Нахабин нисколько не походил на исчадие ада. Обычный двадцатипятилетний парень, светло-ру-

сый, гладко выбритый, с полноватыми лоснящимися щеками. Он непринужденно, чуть ли не развалясь, сидел на скамье подсудимых и, улыбаясь краешками губ, разглядывал зал из-за стеклянной перегородки. Так, словно это все мы угодили за нее. Притихли там, жалкие, подавленные, утратившие надежду, и с завистью смотрим на него — единственного свободного человека...

Я почувствовал, что меня вот-вот начнет мутить, и опустил голову, уткнувшись взглядом в пол. Глядеть на торжествующего нелюдя не было сил.

17 апреля 2021 года в «Охотном ряду» прогремел взрыв. Он унес жизни ста двенадцати человек, в том числе двадцати семи детей. Около двухсот жертв теракта получили ранения, более полусотни из них остались инвалидами. Нахабин все хорошо рассчитал — идеально выбрал и место закладки заряда, и время. Это был башковитый малый — неспроста его еще в школе называли «живым компьютером». Ему даже почти удалось улизнуть — задержали только в Домодедово, за полчаса до посадки на самолет. Он не оказал никакого сопротивления полиции. Более того — спокойно вытянул вперед руки и, когда на его запястьях защелкнулись наручники, улыбнулся. Потому что знал — при любом раскладе будет жить.

Гуманизация системы наказаний шла полным ходом. Прежде всего, было решено всем преступникам, даже самым жестоким и циничным убийцам, сохранять жизнь. Смертная казнь продолжала существовать на бумаге, но полностью вышла из практики. Все к этому привыкли, а потому, когда ее наконец-то отменили законодательно, народ практически не возмутился. Время от времени, правда, в СМИ по этому поводу разгорались споры. Но побеждали всегда ученые дяденьки с благостными лицами: надергав ци-

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2014

В пределы Солнечной системы вторгаются артефакты инопланетного происхождения. Самым мощным и загадочным стали Рога – гигантское сооружение, дрейфующее внутри орбиты Меркурия, исследовать которое до конца так и не удалось. Полковник Российских Войск Космического Назначения Денис Молодцов должен сделать все, чтобы предотвратить гибель Земли...

На опытной биостанции «Заря-Рокша» российским ученым впервые удалось воссоздать живого мамонтенка. Но успех праздновать пока рано. Отечественные чиновники и западные бизнесмены не останавливаются ни перед чем, чтобы погубить уникальный проект... Аборигены далекого мира воздвигают огромную башню, перед загадкой которой пасуют представители земной цивилизации... Вернее, сразу нескольких земных цивилизаций...

Василий Головачев, Антон Первушин, Александр и Людмила Белаш и многие другие в традиционном ежегоднике «Русская фантастика»!

ISBN 978-5-699-69279-8

9 785699 692798